

УДК 821.111-31
ББК 84 (4Вел)-44
Г60

Серия «Эксклюзивная классика»

William Golding
THE SPIRE

Перевод с английского В. Хинкиса

Серийное оформление Е. Фerez

Печатается с разрешения издательства Faber and Faber Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Голдинг, Уильям

Г60 Шпиль : [роман] / Уильям Голдинг; [пер. с англ. В. Хинкиса]. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 253, [3] с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-084905-5

Шедевр творческого наследия Уильяма Голдинга.

История полубезумного настоятеля собора, возмечтавшего доказать свою преданность Богу созданием великолепного шпиля. История человеческой гордыни — и человеческой скудости, плотской страсти — и высокой, страшной любви к Высшему..

УДК 821.111-31
ББК 84 (4Вел)-44

© William Golding, 1964
© Перевод. В. Хинкис, 1968
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Посвящается Джуди

Глава первая

Он смеялся, вздернув подбородок и покачивая головой. Бог-Отец озарял его сиянием славы, и солнечные лучи устремлялись сквозь витраж вслед его движениям, животворя осиянные лики Авраама, Исаака и снова Бога-Отца. От смеха у него выступили слезы, и перед глазами множились радужные круги, спицы, арки.

Вздернув подбородок и сощурился, он крепко, в обеих руках, держал перед собой макет шпиля — о радость...

— Полжизни ждал я этого дня!

Перед ним, по другую сторону столика с макетом собора, стоял канцелярий, его бледное старческое лицо было в тени.

— Не знаю, что вам сказать, милорд настоятель, право, не знаю.

Он не сводил глаз со шпиля, который Джослин так крепко держал в обеих руках. Голос его, тонкий, словно писк летучей мыши, терялся в просторной, высокой зале капитула.

— Ведь если представить себе, что эта деревянная поделка... сколько в ней длины?

— Восемнадцать дюймов, милорд канцелярий.

— Восемнадцать дюймов. Да. Именно. А в действительности, сколько мне известно, это будет сооружение из дерева, камня и металла...

— В четыреста футов высотой.

Канцелярий, прижимая руки к груди, вышел на солнце и огляделся вокруг, словно искал чего-то. Потом он взглянул на потолок. Джослин смотрел на него, повернув голову, исполненный любви.

— Я знаю. Фундамент. Но будем уповать на Бога.

Канцелярий наконец нашел то, чего искал, — он вспомнил:

— Ах да...

И старчески хлопотливо зашаркал по каменному полу к двери. Он вышел, а в воздухе осталась весть.

— Ну конечно. Утренняя.

Не двигаясь с места, Джослин послал ему вслед стрелу своей любви. «Здесь мой дом, мой кров, моя семья. Вот сейчас он выйдет из ризницы последним и повернет налево, как всегда; а потом спохватится и повернет направо, к капелле Пресвятой Девы!» Джослин снова засмеялся и вздернул подбородок в блаженном ликовании. «Я знаю их всех, знаю, что они делают сейчас, и что уже сделали, и что будут делать. За все эти годы, пока я шел своим путем, собор стал моей плотью».

Он оборвал смех и вытер глаза. Потом снова взял белый шпиль и незыблемо утвердил его в квадратном отверстии, прорезанном в старом макете собора.

— Вот так.

Макет был подобен человеку, лежащему на спине. Неф — его сомкнутые ноги, трансепты по обе стороны — раскинутые руки, хор — туловище, а капелла Пресвятой Девы, где отныне будут совершаться богослужения, — голова. И вот теперь вознесся, устремился, воздвигся, извергся из самого сердца храма его венец и величие — новый шпиль. «Они не знают, — подумал он, — не могут знать, пока я не поведаю им о своем видении!» Он снова засмеялся от радости и вышел из залы капитула на широкий, залитый солнцем двор, очерченный аркадами. «Но я должен помнить, что шпиль — это не все! Я должен, сколько достанет сил, продолжать каждодневные свои труды».

Он обошел аркады, раздвигая занавеси, и остановился у боковой двери. Медленно, бесшумно откинул щеколду. Входя, он склонил голову и сказал, как всегда, в сердце своем: «Поднимите, врата, верхи ваши!» Но, войдя, он сразу понял, что его предосторожность была излишней, потому что в соборе уже стоял нестройный шум. Утреню служили в отдалении, звуки были такие крошечные, ничтожные, что казалось, их можно собрать в горсть, и тем не менее они доносились сюда через весь собор, из капеллы Пресвятой Девы, сквозь дощатую стенку, обитую холстом. Другие звуки, более близ-

кие, хотя они, отдаваясь эхом, и слились в сплошной гул, говорили о том, что здесь люди долбят землю и камень. Эти люди переговаривались, распоряжались, покрикивали, волокли по каменному полу бревна, катили и роняли тяжести, небрежно швыряли их, дотасив до места, и все это породило бы крикливую разноголосицу, как на ярмарке, если бы эхо не подхватывало звуки снова и снова, заставляя их кружить по собору, достигать самих себя и тонкоголосое пение хора и звучать бесконечно, на одной ноте. Все это было так непривычно, что он поспешно прошел в главный неф и преклонил колени пред невидимым отсюда престолом; потом поднялся с колен и стал смотреть.

Мгновение он моргал. Такого яркого солнца ему еще не доводилось здесь видеть. Всего осязаемей в нефе была не дощатая, обитая холстом стенка, которая делила собор надвое, не два ряда арок, не часовни и не расписные надгробия меж ними. Осязаемей всего был свет. Он врвался в южные окна, высекая из стекол каскады цветных искр, и устремлял свои лучи правильным строем справа налево, к основанию опор по другую сторону нефа. И повсюду пыль придавала ветвям и стволам света подлинную объемность. Он снова моргнул и увидел, как совсем рядом пылинки то кружатся одна вокруг другой, то разом взмывают вверх, как мотыльки под дыханием ветра. Он видел, как в отдалении они плавали облаками, завивались спиралью или на миг повисали недвижно, и тогда самые дальние ветки и стволы становились цветом, толь-

ко цветом — медовой желтизною, исполосовавшей тело собора. Там, где окна южного трансепта освещали средокрестие с высоты ста пятидесяти футов, мед сгушался в колонну, и она высилась, прямая, как Авелев столп, над людьми, которые ломали и выворачивали каменные плиты пола.

Он покачал головой в печальном изумлении перед осязаемым солнечным светом. «Если б не этот Авелев столп, — подумал он, — я принял бы косую стену света за настоящую и решил бы, что мой каменный корабль сел на мель и накренился». И его губы дрогнули в улыбке: подумать только, человеческий ум повсюду открывает законы и вместе с тем обманывается легко, как младенец. «Теперь, когда на боковых алтарях не горят свечи, если стоять лицом к дощатой перегородке в дальнем конце нефа, может показаться, что это языческий храм, а вон те двое с ломami, что работают посредине, в солнечной пыли (когда они выворачивают каменную плиту и бросают ее, раздаётся грохот, как в каменоломне, и будит эхо), — жрецы, свершающие какой-то неведомый обряд... Господи, прости.

Вот уже полтора года лет мы непрестанно ткем в этих стенах великолепный узор хвалы Господу. Все останется, как было, только узор будет еще богаче, великолепнее, обретет наконец совершенство. А сейчас я встану на молитву».

Но он понимал, что еще повременит с молитвой, даже в сей день радости. Он громко смеялся от радости и знал, почему повременит, — знал всег-

дашний устав дня, знал, кто сейчас на охоте, кто произносит проповедь, кто кого замещает, знал, как надежен каменный корабль и его команда.

И словно эта мысль возвестила о начале короткой интермедии, он услышал, как стукнула щеколда и боковая дверь со скрипом отворилась. «Сейчас, как и всякий день, я увижу свою дочь во Христе».

И в самом деле, едва он вспомнил о ней, она быстро вошла, словно спеша на его зов, а он уже ждал, готовясь благословить ее, как благословлял всегда. Но жена Пэнголла, заслонясь ладонью от пыли, свернула налево. На миг мелькнуло ее узкое нежное лицо, и она, вместо того чтобы пересечь собор, пошла по северному нефу; ему оставалось лишь мысленно послать благословение ей вслед. Он провожал ее взглядом, слегка разочарованным и полным любви, а она, проходя мимо темных алтарей, откинула капюшон, под которым был белый платок, и из-под серого плаща на миг мелькнуло зеленое платье. «Вот женщина до мозга костей, — подумал он, исполненный любви к ней. — Отсюда ее безрассудное детское любопытство. Впрочем, это забота Пэнголла или отца Ансельма». И он увидел, как она, словно осознав свое безрассудство, быстро обошла яму, прикрываясь рукой от пыли, пересекла неф и захлопнула за собой дверь Пэнголла царства. Он рассудительно кивнул.

— Пожалуй, кое-что у нас теперь все-таки переменится.

Когда дверь захлопнулась, стало почти тихо; а потом в тишине раздались новые негромкие звуки:

«тук, тук, тук». Он повернул голову влево — там, на цоколе колонны, сидел немой в кожаном фартуке, зажав большой камень между коленями.

«Тук, тук, тук».

— А знаешь, Гилберт, он, кажется, велел тебе ваять с меня, потому что я подолгу стою на месте!

Немой поспешно вскочил. Джослин улыбнулся ему.

— Можно подумать, что от меня здесь меньше всех проку, как по-твоему?

Немой улыбнулся преданной, собачьей улыбкой и замычал пустым ртом. Джослин радостно засмеялся в ответ и кивнул, словно их связывала какая-то тайна.

— Спроси эти четыре опоры на средокрестии, есть ли от них прок!

Немой засмеялся и кивнул.

— Скоро я встану на молитву. Можешь пойти со мной, будешь сидеть смиренно и работать. Но захвати подстилку, чтобы не насорить, а то Пэнголл выметет тебя из капеллы Пресвятой Девы, как сухой листок. Не надо сердить Пэнголла.

Тут раздался новый шум. Джослин сразу забыл про него, повернул голову, прислушался. «Нет, — сказал он себе, — не может быть, им не успеть так быстро!» И он поспешил в южный неф, откуда можно было через средокрестие заглянуть в северный трансепт. Возле часовни Пиверела он остановился. И прошептал, исполненный радости, которая была слишком глубока, чтобы выносить ее из храма:

— Нет, это правда. После стольких лет неустан-
ных трудов. Слава Господу.

Ибо совершалось невероятное. «Ведь я прохо-
дил здесь столько лет изо дня в день, — подумал
он. — И всегда то, что снаружи, было отделено от
того, что внутри, так же четко, так же вечно и не-
преложно, как вчерашний день от сегодняшнего.
Внутри — гладкий, расписной камень, снаружи —
грубые, обросшие лишайником стены. Вчера, да
нет, сегодня, только что между ними была неодо-
лимая преграда. А теперь там сквозит воздух. Раз-
общенные части соприкоснулись, и я, как в замоч-
ную скважину, вижу угол дома канцелярия, где,
быть может, сейчас ждет Айво.

Мужайся. Слава Господу. Это начало свершения.
Одно дело велеть вырыть яму меж опорами, словно
могилу для какого-нибудь именитого горожанина.
А это совсем иное. Теперь я поднял руку на самое
тело своего храма. Как хирург, я поднес нож к жи-
воту, бесчувственному от макового отвара...»

Он пытался представить себе это, и негромкие
звуки утрени казались ему слабым дыханием бес-
чувственного тела, распростертого на спине.

По другую сторону часовни раздались молодые
голоса.

— Что ни говори, он обуян гордыней!

— И погрязает в невежестве.

— Знаешь, он возомнил себя святым! Это он-
то — святой!

Но, увидев в полумраке настоятеля, оба дьяко-
на упали на колени.

Он смотрел на них сверху вниз и любил их в своей радости.

— Вот как, дети мои! Что же это? Вы злословите? Сплетничаете? Клевещете?

Потупившись, они молчали.

— Кто же этот несчастный? Вы бы лучше помолились за него. Ну-ка, ну-ка.

Он обеими руками ухватил их за кудрявые волосы и ласково обратился к себе сначала одно бледное лицо, потом другое.

— Попросите канцелярия наложить на вас епитимью. Воспримите епитимью как должное, дети мои, и она даст вам великую радость.

Он отвернулся и хотел пройти дальше по нефу, но ему снова помешали. У временной дверцы, которая была сделана в дощатой перегородке и вела из южной галереи к средокрестию, стоял Пэнголл; он увидел Джослина, отпустил своих помощников и заковылял к нему с метлой на весу, прихрамывая, слегка волоча левую ногу.

— Преподобный отец...

— Мне сейчас некогда, Пэнголл.

— Сделайте милость!

Джослин покачал головой и хотел обойти его, но Пэнголл протянул загорбелую руку, словно в своей дерзости готов был коснуться рясы настоятеля. Джослин остановился и, опустив глаза, быстро проговорил:

— Ну, что тебе? Опять все то же?

— Они...

— До них тебе нет дела. Пойми это раз и навсегда.

Но Пэнголл не отступал, пристально глядя на Джослина из-под копны темных волос. Его бурая одежда была в пыли, пыль покрывала перевязанные крест-накрест икры и стоптанную обувь. Сердитое лицо тоже было в пыли. И голос у него был хриплый от пыли и злости.

— Позавчера они убили человека.

— Я знаю. Но послушай, сын мой...

Пэнголл покачал головой так торжественно и убежденно, что Джослин умолк, потупившись и приоткрыв рот. Пэнголл поставил метлу на пол и оперся на нее. Он обвел взглядом каменные плиты, потом посмотрел настоятелю в лицо.

— Когда-нибудь они убьют и меня.

Теперь они оба молчали, а шум работы не затихал, и ему вторило звонкое эхо. Пылинки плясали между ними в солнечном свете. И Джослин вдруг вспомнил о своей радости. Он положил обе руки на кожаные плечи Пэнголла и крепко сжал их.

— Не убьют. Никто тебя не убьет.

— Ну, так выживут отсюда.

— Никто не причинит тебе вреда. Истинно говорю тебе.

Пэнголл яростно сжал метлу. Он выпрямился. Губы его кривились.

— Преподобный отец, зачем вы это сделали?

Джослин смиренно снял руки с его плеч и сложил их на груди.

— Ты знаешь это не хуже меня, сын мой. Дабы приумножить славу храма сего.

Пэнголл ощерился:

— И для этого надо его разрушить?

— Остановись, пока ты не сказал лишнего.

Но Пэнголл не отступался, и в словах его прозвучал вызов:

— Вы когда-нибудь оставались здесь на ночь, преподобный отец?

Он ответил ласково, как ребенку:

— Много раз. И это ты тоже знаешь не хуже меня, сын мой.

— Когда падает снег и ложится тяжестью на свинцовую крышу, когда листья забивают водостоки...

— Пэнголл!

— Мой прапрадед был среди тех, кто строил этот собор. В жаркие дни он ходил вон там, над сводом, так же, как теперь хожу я. А зачем?

— Успокойся, Пэнголл, успокойся.

— Зачем? Зачем?

— Ну, я слушаю.

— Как-то он увидел, что одно дубовое стропило занялось. По счастью, он прихватил с собой тесло. За водою ему было не поспеть: загорелась бы крыша, и свинец потек бы рекой. Он стал рубить стропило. Вырубил такую дыру, что влез бы ребенок, а угли унес голыми руками, и ладони у него поджарились, как свинина на вертеле. Вы это знали?

— Нет.